

МАСТЕРА
МАГИЧЕСКОГО
РЕАЛИЗМА

**В серии
«Мастера магического реализма»
вышли:**

Блэк Холли. САМАЯ ТЕМНАЯ ЧАЩА

Блэк Холли. ХОЛОДНЫЙ ГОРОД

Валенте Кэтрин М. СКАЗКИ СИРОТЫ. В НОЧНОМ САДУ

Валенте Кэтрин М. СКАЗКИ СИРОТЫ.

ГОРОДА МОНЕТ И ПРЯНОСТЕЙ

Галина Мария. АВТОХТОНЫ

Гейман Нил, Борхес Хорхе Луис, Уилман Мэнли Уэйд и др.

КУЛЬТ КТУЛХУ

Гейман Нил, Ли Танит, де Линт Чарльз и др. ЗЕЛЕНЫЙ РЫЦАРЬ

Гейман Нил, Ли Танит, Ламли Брайан и др. СТРАШНЫЕ СКАЗКИ

Гейман Нил, Нивен Ларри, Дилэни Сэмюэл и др.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СОЗДАНИЯ

Гейман Нил, Паланик Чак, Муркок Майкл и др. ВСЕ НОВЫЕ СКАЗКИ

Гейман Нил, Янси Рик, Блэк Холли и др. СБОРЩИК ДУШ

Гейман Нил. АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ; КОРОЛЬ ГОРНОЙ ДОЛИНЫ;

СЫНОВЬЯ АНАНСИ

Гейман Нил. ДЫМ И ЗЕРКАЛА

Гейман Нил. ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬ

Гейман Нил. НИКОГДЕ

Гейман Нил. ОКЕАН В КОНЦЕ ДОРОГИ

Гейман Нил. ОСТОРОЖНО, ТРИГГЕРЫ

Гейман Нил. ХРУПКИЕ ВЕЩИ

Говард Роберт И. БЕЗЫМЯННЫЕ КУЛЬТЫ

Де Линт Чарльз. ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Де Линт Чарльз. ЗВЕРЛИНГИ. В ТЕНИ ДРУГОГО МИРА

Джонстон К.-Э. СКАЗКИ ТЫСЯЧИ НОЧЕЙ

Лавкрафт Говард Ф. ЗАТАИВШИЙСЯ СТРАХ

Лавкрафт Говард Ф. ЗОВ КТУЛХУ

Лавкрафт Говард Ф. ХРЕБТЫ БЕЗУМИЯ

Нир Эллис. СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ ДЛЯ ДЕВОЧЕК УАЙЛЬД

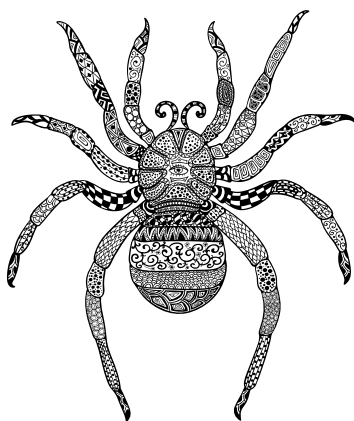
Поллок Том. СЫН ГОРОДА

Стокер Брэм. ДРАКУЛА

Стрит Карен Ли. ЭДГАР АЛЛАН ПО И ЛОНДОНСКИЙ МОНСТР

Трул Теймань

Сытовья Аттаси

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.2
ББК 84(4Вел)-44
Г29

Neil Gaiman
ANANSI BOYS

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Writers House и Synopsis Literary Agency*

Оформление обложки *Василия Половцева*

Гейман, Нил.
Г29 Сыновья Ананси / Нил Гейман ; [пер. с англ.
В. Гуриева]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. —
384 с. — (Мастера магического реализма).

ISBN 978-5-17-096616-5

Толстяк Чарли Нанси, скромный, лишенный амбиций житель Лондона, ведет приготовления к свадьбе, когда узнает о смерти своего горе-папаша. Вечно ставивший Толстяка Чарли в неловкое положение, тот и умер словно в насмешку: флиртуя с девушками в караоке-баре.

С этого момента жизнь Толстяка Чарли начинает рушиться.

Чтобы вновь обрести себя, ему придется обратиться за помощью к ведьмам, отправиться на край света, потерять невесту и... спеть?

УДК 821.111-312.2
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-096616-5

© Copyright © Neil Gaiman, 2005
© В. Гуриев, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Посвящение

Сами знаете, как бывает.
Берете книгу, открываете посвящение
и обнаруживаете, что автор снова посвятил книгу
не вам, а кому-то еще.

Но не в этот раз.

Поскольку мы еще не встречались/шапочно знакомы/
без ума друг от друга/слишком долго не виделись/
нас кое-что связывает/никогда не встретимся, —
я верю, несмотря ни на что,
мы всегда будем думать друг о друге с нежностью...

Эту книгу я посвящаю вам.

Сами знаете, с какими чувствами,
и возможно, понимаете, почему.

Примечание: пользуясь случаем, автор хотел бы
почтительно снять шляпу перед призраками
Зоры Нил Хёрстон, Торна Смита, П. Г. Вудхауза
и Фредерика «Текса» Эйвери¹.

Глава 1,

в которой говорится об именах и семейных отношениях

Как почти все на свете, эта история началась с песни.

В самом деле, в начале были слова, а с ними возникла мелодия. Именно так был создан мир, свет отделен от тьмы, так все они — и суша, и звезды, и сны, и малые боги, и звери — явились в этот мир.

Их спели.

Большие звери были спеты в мир после того, как Певец разобрался с планетами, и горами, и деревьями, и морями, и зверьми помельче. Пропеты были скалы, что обозначают предел всему, и охотничьи угодья, и тьма.

Песни остались. Они все еще звучат. Правильная песня может сделать императора посмешищем, свергнуть династию. События и их участники давно превратились в пыль, быль и небыль, а песня все звучит. Такова сила песен.

С песней можно делать многое. Не только создавать миры и воскрешать сущее. Отцу Толстяка Чарли, к примеру, песни пригодились для того, чтобы, как он надеялся и ожидал, провести отличный вечерок.

Пока отец Толстяка Чарли не вошел в бар, бармен пребывал в уверенности, что вечер караоке пройдет через пень-колоду, но вот в зал проскользнул маленький старичок, прошел мимо свежееобгоревших на солнце блондинок с улыбками туристок, что сидели у маленькой импровизированной сцены, в углу. Он поприветствовал дам, веж-

Нил Гейман

ливо приподняв шляпу (а он и правда был в шляпе, без единого пятнышка, зеленой фетровой шляпе и лимонного цвета перчатках), после чего запросто уселся за их столик. Блондинки захихикали.

— И как вам здесь нравится, дамы? — спросил он.

Они, не переставая хихикать, рассказали, что им тут здорово, спасибо, они тут в отпуске. Будет еще лучше, сказал он, дайте время.

Он был старше, много, много старше, но зато так любезен, словно явился из ушедшего века, когда изящные манеры и утонченные жесты еще что-то да значили. Бармен расслабился. Если в баре появляется такой человек, вечер наверняка удастся.

И было караоке. И были танцы. В тот вечер старик поднимался на импровизированную сцену не один раз, а дважды. У него был приятный голос, обаятельная улыбка, а ноги так и мелькали, когда он танцевал. В первый раз он вышел спеть «*What's new, Pussycat?*»².

А когда вышел во второй раз, он разрушил жизнь Толстяка Чарли.

* * *

Толстым Толстяк Чарли был недолго, лет с десяти, — когда его мать возвестила, что если есть на свете что-нибудь, чем она сыта по горло (а коль у джентльмена, о котором идет речь, имеются возражения, он может засунуть их сами знаете куда), то это брак со старым козлом, за которого она имела несчастье выйти замуж, и что нынче же утром она уезжает очень далеко, а он пусть не вздумает тащиться за ней, — и до четырнадцати, когда Толстяк Чарли немного подрос и окреп. Он не был толст. Говоря по правде, он и круглолицым не был, просто слегка закругленным по краям. Но кличка Толстяк Чарли к нему прилипла, как жвачка к подошве теннисной туфли. Он представлялся другим как Чарльз или, когда ему было чуть

СЫНОВЬЯ АНАНСИ

за двадцать, Чез, или, в письмах, как Ч. Нанси, но без толку: что ни делай, кличка проползет во все уголки жизни, словно таракан, трещина за трещиной осваивающий пространство за холодильником на новой кухне, и нравится Толстяку Чарли или нет — а ему не нравилось, — он останется Толстяком Чарли.

Все потому, чувствовал он, что кличку дал отец, а когда отец придумывал имя, оно прилипало.

В доме напротив, на той же флоридской улочке, где рос Чарли, жил пес. Это был каштанового окраса боксер, длинноногий и остроухий, с такой мордой, будто, когда был щенком, этой мордой он приложился к стене. Голову он держал высоко, хвост короткий, свечкой. Это был, вне всяких сомнений, аристократ собачьих кровей. Участник выставок. Неоднократно отмеченный как «лучший представитель породы», «лучший в своем классе», а однажды даже как «лучший на выставке». Прозывался пес Кэмпбеллом Макинрори Арбутнотом Седьмым, а в неформальной обстановке хозяева звали его Каем. Так продолжалось до того дня, пока отец Толстяка Чарли, сидя на крыльце в ветхом кресле-качалке и попивая пиво, не обратил внимание, как по соседнему двору на привязи, которой хватало от пальмы до изгороди, лениво разгуливает пес.

— Ну что за бестолковая псина, — сказал отец Толстяка Чарли. — Прямо как дружок Дональда Дака. Эй, Гуфи!

И тот, кто однажды был признан «лучшим на выставке», буквально на глазах сник и утратил свой лоск. Для Толстяка Чарли это было как если бы он вдруг увидел пса глазами своего отца и, черт возьми, если пес в самом деле не бестолков. Как мультяшный.

На то, чтобы кличка разошлась по всей улице, много времени не понадобилось. Владельцы Кэмпбелла Макинрори Арбутнота Седьмого пытались с этим справиться, но с тем же успехом они могли противостоять урагану. Даже совершенно незнакомые люди, поглаживая некогда гордого боксера по голове, говорили: «Привет, Гуфи. Хороший

Нил Гейман

мальчик». Вскоре владельцы перестали пса выставлять. У них духу на это не хватало. «Вылитый Гуфи», — говорили судьи.

Отец Толстяка Чарли давал такие прозвища, что они прилипали, вот и все.

И это еще не самое худшее.

Пока Толстяк Чарли рос, на роль самого худшего в его отце претендовали и блуждающий голодный взгляд, и не менее блудливые руки, — если верить девицам, что имели обыкновение жаловаться матери Толстяка Чарли, после чего у родителей случались скандалы; и маленькие черные сигариллы, которые отец называл черутами и запах которых приставал ко всему, чего он касался; и его пристрастие к необычной шаркающей разновидности чечетки, которая, как подозревал Толстяк Чарли, если и была когда в моде, то разве что в Гарлеме, в двадцатые годы, и не дольше получаса; полное и неодолимое невежество отца в делах международных в сочетании с твердой верой в то, что получасовые ситкомы — это документальная хроника жизни реально существующих людей. Для Толстяка Чарли ни одно из этих качеств на роль самого худшего не тянуло, — худшее они давали в сумме.

Но самое наихудшее в отце было то, что он постоянно ставил Толстяка Чарли в неловкое положение.

Понятно, что всякий стесняется своих родителей. Это неотъемлемое родительское свойство: в родительской природе смущать детей самим фактом своего существования, тогда как в природе детей определенного возраста — съезживаться от смущения, стыда и унижения в тот момент, когда родителям всего лишь вздумается обратиться к ним на улице.

Отец Толстяка Чарли, само собой, возвел это в ранг искусства, он наслаждался этим не меньше, чем розыгрышами, от простых — Толстяк Чарли никогда не забудет, как первый раз улегся в постель, уложенную «яблочным пирогом»³ — до непредставимо сложных.

СЫНОВЬЯ АНАНСИ

— Например? — спросила однажды Рози, невеста Толстяка Чарли. Тем вечером Толстяк Чарли, никогда не рассказывавший об отце, предпринял, запинаясь, попытку объяснить, почему он уверен, что пригласить отца на свадьбу — очень неудачная идея. Они сидели в маленьком винном баре в южном Лондоне. Толстяк Чарли давно уже считал, что четыре тысячи миль и Атлантический океан между ним и его отцом *никогда не лишние*.

— Ну... — сказал Толстяк Чарли, вспоминая пережитые унижения, от каждого из которых невольно сжимались пальцы на ногах.

И выбрал одну историю.

— Ну вот, когда я перешел из одной школы в другую, папа все рассказывал, с каким нетерпением он, когда был мальчиком, ждал президентского дня, потому что по закону дети, которые в этот день приходят в школу в костюме своего любимого президента, получают большой мешок сладостей.

— Какой милый закон, — сказала Рози. — Нам бы, в Англии, такой не помешал.

Рози никогда не выезжала за пределы Соединенного Королевства, если не считать поездки с «*Клубом 18—30*»⁴ на остров, который, она была почти уверена, расположен в Средиземном море. У нее были теплые карие глаза и доброе сердце, а знание географии не входило в число ее достоинств.

— Это не милый закон, — сказал Толстяк Чарли. — Это вообще не закон. Он все придумал. В большинстве штатов и в школу никто в президентский день не ходит, а в тех, где ходят, нет такой традиции, чтобы школьники наряжались в президентов. И Конгресс не принимал закона, по которому школьникам, переодетым в президентов, давали бы по большому мешку конфет, и твоя популярность в школе и потом в университете вовсе не зависит от того, каким президентом ты оденешься — середняки, дескать, выбирают очевидных — Линкольна, Вашингто-

Нил Гейман

на, Джефферсона, — но истинный успех ожидает тех, кто одевается под Джона Квинси Адамса, Уоррена Гамалиеля Гардинга или кого-то в этом роде. И, мол, плохая примета обсуждать свой наряд до президентского дня. Точнее, нет такой приметы, но он сказал, что есть.

— И мальчики, и девочки наряжаются президентами?

— О да. И мальчики, и девочки. Так что за неделю до президентского дня я прочел о президентах все, что было в энциклопедии, чтобы не ошибиться с выбором.

— И ты ни разу не заподозрил, что он тебе голову морочит?

Толстяк Чарли покачал головой.

— Если мой отец за тебя берется, ты никогда ничего не заподозришь. Он — самый лучший лжец в мире. Он убедителен.

Рози отпила немного шардоне.

— Ну и каким президентом ты нарядился?

— Двадцать седьмым, Тафтом. Я надел коричневый костюм, который отец где-то раздобыл, подвернул штанины, заткнул за пояс подушку. Нарисовал на лице усы. Отец в тот день сам отвел меня в школу. Как я был горд! Но остальные дети ржали и показывали на меня пальцами, и тогда я заперся в кабинке туалета для мальчиков и расплакался. Меня даже не отпустили домой переодеться. Я ходил так весь день. Это был сущий ад.

— Надо было что-нибудь придумать, — посоветовала Рози. — Сказал бы, что идешь после школы на вечеринку или еще что-нибудь. Или просто сказал бы правду.

— Ага, — угрюмо кивнул Толстяк Чарли.

— А что сказал папа, когда ты пришел домой?

— О, он оборжался. Хихикал, фыркал, так и давился от смеха. А затем сказал, жаль, должно быть, теперь больше не наряжаются в президентский день. Ну что же, добавил он, почему бы нам не отправиться на пляж поискать русалок?

— Поискать... русалок?

СЫНОВЬЯ АНАНСИ

— Мы спустились к пляжу и пошли вдоль воды, и он вел себя хуже некуда: пел, шаркал ногами по песку, словно танцует *песочный танец*⁵, заговаривал с людьми, что встречались на пути, — с людьми, которых он не знал и никогда прежде не видел, а я бесился от всего этого, пока он не сказал, что в Атлантике водятся русалки, и если резко и быстро посмотреть в сторону, хоть одну да увидишь. «Вон, — сказал он, — смотри! Большая и рыжая, с зеленым хвостом». И я все смотрел и смотрел, да так и не увидел.

Он опустил голову. Затем набрал в руку орешков из стоявшей на столе чаши и принялся забрасывать их в рот и так ожесточенно жевать, будто каждый орех представлял собой двадцатилетней давности унижение, которое не может быть забыто.

— А я думаю, он восхитителен! — радостно сказала Роза. — Большой оригинал. Нужно обязательно позвать его на свадьбу, он будет душой компании.

Ничего хуже этого, объяснил Толстяк Чарли, чуть не подавившись бразильским орехом, и представить невозможно — чтобы его отец вдруг объявился и стал душой компании. И нет и не было *во всем зеленом Божьем мире*⁶ человека, который ставил бы его в неловкое положение чаще, чем отец. И еще добавил, что не видел старого козла несколько лет, очень тому рад, а решение матери оставить отца и отправиться в Англию к тете Аланне считает самым удачным в ее жизни. Эту декларацию он подкрепил заявлением, что будь он проклят, дважды проклят и, может, даже трижды проклят, если собирается пригласить на свадьбу собственного отца. На самом деле, сказал Чарли в заключение, *самое лучшее* в женитьбе — это *не приглашать* отца на свадьбу.

Тут Толстяк Чарли увидел лицо Розы и ледяные искорки в ее обычно доброжелательном взгляде и поспешил исправиться, объяснив, что это *еще одно* самое лучшее, однако было уже поздно.

Нил Гейман

— Ты просто должен с этим свыкнуться, — сказала Рози. — В конце концов, свадьба — прекрасная возможность для перемирия и восстановления отношений. Возможность показать, что ты не держишь на него зла.

— Но я *держу*, — возразил Толстяк Чарли. — Еще как.

— У тебя, конечно, есть его адрес? — спросила Рози. — Или телефон. Лучше, наверное, позвонить. Письмо — это слишком официально, когда женится единственный сын... Ты ведь единственный, так? А электронная почта у него есть?

— Да, я единственный сын, и я понятия не имею, есть у него электронная почта или нет. Скорее всего, нет, — сказал Толстяк Чарли.

В бумажных письмах своя прелесть, подумал он. Начать хотя бы с того, что письмо могут потерять на почте.

— Но у тебя должен быть адрес или телефон.

— У меня их нет, — честно признался Толстяк Чарли. Не исключено, что отец уехал. Он мог покинуть Флориду и отправиться туда, где нет телефонов. И адресов.

— А у кого есть? — резко спросила Рози.

— У миссис Хигглер, — ответил Толстяк Чарли, которого вдруг покинул боевой дух.

Рози нежно улыбнулась.

— А кто у нас миссис Хигглер? — спросила она.

— Друг семьи, — сказал Толстяк Чарли. — Когда я был ребенком, она жила по соседству.

Последний раз он разговаривал с миссис Хигглер несколько лет назад, когда умирала мать. Тогда, по просьбе матери, он позвонил миссис Хигглер, чтобы сообщить об этом отцу и попросить его с ними связаться. А через несколько дней, пока Толстяк Чарли был на работе, на его автоответчике появилось сообщение, наговоренное, без всяких сомнений, голосом отца, кажется, немного постаревшим и хмельным.

Отец сказал, что момент неудачный, и дела удерживают его в Америке. А затем добавил: несмотря ни на что,

СЫНОВЬЯ АНАНСИ

мать Толстяка Чарли чертовски хорошая женщина. А несколькими днями позже в приемный покой доставили букет. Прочитав приложенную к нему карточку, мать Толстяка Чарли фыркнула.

— Решил так легко от меня избавиться! — сказала она. — Пусть придумает что-нибудь получше.

Впрочем, она велела нянечке поставить цветы на почетное место у кровати и несколько раз спрашивала у Толстяка Чарли, не собирается ли отец посетить ее перед тем, как все закончится.

Нет, отвечал Толстяк Чарли. Со временем он возненавидел и этот вопрос, и свой ответ, и выражение ее лица, когда он говорил, нет, отец не приедет.

Худший, по мнению Толстяка Чарли, день настал, когда врач, неприветливый маленький человечек, отвел Толстяка Чарли в сторонку и сообщил, что ждать уже недолго, мать быстро угасает, и теперь самое главное — облегчить ее последние дни.

Толстяк Чарли кивнул и отправился к матери. Она держала его руку, спрашивая, не забыл ли он оплатить счета за газ, когда в коридоре раздался шум — громыханье, пуканье, топанье, дребезжанье, барабаны и медные трубы, в общем, такой шум, какой нечасто услышишь в больнице, где таблички на лестницах требуют тишины, а ледяные искорки в глазах медицинского персонала ее обеспечивают.

Шум становился громче.

На секунду Толстяку Чарли показалось, что это террористы. Но мать, услышав какофонию, слабо улыбнулась. «Желтая птичка», — прошептала она.

— Что?! — переспросил Толстяк Чарли, испугавшись, что мать теряет рассудок.

— «Желтая птичка», — повторила она громче и тверже. — Они играют «Желтую птичку».

Толстяк Чарли вышел за дверь и огляделся.

По коридору, не обращая внимания на протесты нянечек и взгляды пациентов в пижамах, а также членов их